

Федор Курицын. Повесть о Дракуле

Исторические хроники конца пятнадцатого века

Федор Васильевич Курицын, важная персона в создаваемом Великим князем Иоанном Васильевичем государстве, сажился в сани, собираясь навестить стариков своих в родовом имении Курицыно в двадцати верстах к северо-западу от стольного града.

Курицын любил зиму... Не ту мерзопакостную, что в Венгерском королевстве, когда везде лужи да грязь, а настоящую русскую зиму, с легким обжигающим ветерком, хрустящим под ногами снегом, сияющими ночными звездами.

Сани летели лихо, казалось, и лошади не нужны — дорога шла под уклон. Москву промчали — не успел оглянуться. Выехали на Тверскую дорогу — там еще быстрее. Эх, русская душа! Нет... остановиться, оглянуться, подумать, взвесить, рассчитать. Все рвется куда-то. Лбом двери вышибает. Позади ближние деревеньки: Дрогомилово, Новинское, Кудрино, Три Горы, впереди — поворот на Волоколамск. Выбирать нужно: по Волоколамской или по Тверской дороге ехать?

Все же, несмотря на кажущуюся русскую бесшабашность, в жизни была одна закономерность, которую Курицын хорошо усвоил. Чем ближе к Кремлю были деревеньки, тем знатнее их владельцы, чем дальше — тем менее родовитые. Вотчина Курицыных — самая дальняя из всех близких к Москве. Потому Федор Васильевич и решился напрямик ехать, лесами да болотами. Увязнуть в трясине не надеялся, мороз — в помощь, а лесом — так дорожка была, которую знал хорошо. Показал бывший боярин, ныне монах Кириллова монастыря Гурий, в миру Григорий Михайлович Тушин, внук знатного боярина Василия Туши, правнук воеводы костромского Ивана Родионовича Квашни, от которого и пошли ближайшие соседи Курицыных: Квашнины и Тушины.

Удивительно, что не все еще на Руси золотому тельцу благоволят, думал Курицын. Вот у Григория: и власть, и деньги. Но в двадцать два годка сказал отрок: "Не деньги мерило всего", — и отрекся от имени своего. Удалец все же Гришка! И в монахах — первый! В тридцать с небольшим — игумен, и не где-нибудь, в Кирилло-Белозерском монастыре!

Дорога уже шла по соседским землям. По правую руку деревенька Братцево — вотчина Квашниных — открылась. По левую — Коробово — владение Тушиных — промелькнуло. Не заметил Федор Васильевич, как

реку Химку переткнул. Понял только, когда в большую яму, вернее, не яму, — а ямище, уперся. На версты две ровным кругом идет, словно выгреб кто землю ковшом или чашей, — здесь река Выходня петляет, крутой поворот делает. Место это в народе "чашей" прозвали. И вправду, чаша! Только не медом полна, а белым снегом.

Курицын остановил сани. Эх, красота! Иметь бы крылья — взлетел бы белым соколом! Потом подумал: "Летать бы больно много не дали, с лихвой среди бояр завистливых". Объезжал "чашу" долго, сани вязли в глубоком снегу. Но вот и Курицыно.

— Ну, дай поесть сыну, Василий, — причитала матушка, вынося хлебосолы из поварской комнаты. — Потом расспросишь, чай, не вечер.

Родительский стол не ломился от яств, но и бедным его нельзя было назвать: кулебяка, гусиный паштет, вареная репа, глухарь, запеченный в тесте, брусничный и клюквенный морс, медовуха, куличи с рыбой и голубикой — все, чем богата была земля подмосковная, матушка сама аккуратно выстраивала на столе, крытом кружевами вологодскими.

С десяток крестьянских душ досталось Василию Афанасьевичу из надела Великой княгини Софьи Витовны, бабки нынешнего государя. Был он служилым человеком в ее вотчине — Митино. Выбился в люди благодаря уму и сообразительности, за что и дарован был малой деревенькой. Снаружи отеческий дом мало чем отличался от простой крестьянской избы, разве что больше был по размеру, да во дворе отец соорудил конюшню и баньку. Зато внутри обстановка не уступала иным боярским усадьбам. Резные шкафчики, буфеты, коврики домотканые и даже персидский ковер на стене в гостиной зале. В услужении у матушки — три дворовые девки. Одна хлебосолами занята, другая стиркой да прибиранием светлиц, третья ткачеством и вышиванием — кое-что из ее рукоделий зимой выставляли на продажу на Москве-реке. Единственный дворовой холоп — конюх Елисей, он же плотник, кузнец и до девок охотник, не раз был бит хозяином за недопустимые вольности. Оттого отличался преданностью и особой любовью к "Курице", как за глаза называли Василия Афанасьевича более влиятельные соседи. Елисей в обиду хозяина не давал и не раз встречал в перепалку, и не только словесную с соседскими, если слышал от них оскорбительное, по его мнению, прозвище.

— Ну, как там, в Венгриях? — вопрошал любознательный Василий Афанасьевич. — Палаты каменные али деревянные мастерят?

— По преимуществу каменные, — коротко отвечал Федор.

— Вишь ты, а у нас — деревянные. Оттого и пожаров много. Вот давеча у Тушиных Свято-Спасский монастырь горел — три дня не могли потушить. Леса в избытке, да головы нет. Как будем соболей, белок да куниц промышлять, когда весь лес вырубим?

— Не ворчи, Василий Афанасьевич, — вмешалась матушка. — Пусть Феденька о жилье в Москве расскажет. Как там внучата наши, Афоня да Ивашка?

— О Москве успеется, — перебил жену Курицын-старший. — А кто королем у них, Федор?

— Королем Матвей Корвин. Корвин — прозвище, по-ихнему "ворон". Хитер да пронырлив. Купил корону у императора Фридриха за большие деньги, а потом того императора из его города Вены и попросил. Турок разбил дважды. Зело мудр. Наш государь греческую царевну в жены взял, а Матвей — флорентийскую. Книг на латинском привез. Каменщиков, пушкарей, рудознатцев итальяйских. Как и наш Иоанн Васильевич, земли венгерские собирает. Мало того, и соседние к рукам прибирает: Чехию, Силезию, Словакию тож.

На челе Василия Афанасьевича обозначилась борозда глубокая — призадумался он. Собрание земель — его любимая тема.

— Разумею теперь, зачем тебя государь к королю венгерскому послал. Нам свободный проход в Италию нужен. Нас ливонцы с поляками, литовцами да турками в кольцо взяли, вздохнуть не дают. Значит, с Венгрией дружить будем. А я думаю, и с турками завести разговор надо: тогда по морю Черному купцы приезжать будут. И ни Литва, ни Польша, ни Ливония помехой не станут, обойдем их стороной. Ты как, Федор, мыслишь?

— Так и мыслю, — оживился Федор Васильевич. — С Венгрией против Польши договор заключил, теперь в Турцию послов посылать будем.

Ближе к вечеру, как давно уже было заведено, отец и сын уединились в небольшой комнате — "коморе", как называл ее Курицын-старший, где Василий Афанасьевич разрабатывал прожекты об устройстве земли русской. В "коморе" нашелся для государева дьяка благодатный и вместе с тем требовательный слушатель — отец не любил фальши ни в делах, ни в мыслях. Ему решил Курицын поведать свою повесть о Дракуле, тайный плод венгерских размышлений. За этим в родимое гнездо и приехал. Открыл заветную тетрадку, набрал в грудь воздуха побольше и выговорил еле слышно:

— А послушай, батюшка Василий Афанасьевич, мою новую повесть.

Сказание о Дракуле

Был в Мутьянской земле греческой веры христианин воевода именем Дракула — валашским языком, а нашим — диавол. Так зломудр, как по имени, такова и жизнь его была.

— Где же эта земля Мунтьянская? — любопытствовал Василий Афанасьевич.

Устроившись на лавке поудобнее, он приготовился к долгому слушанию.

Курицын знал, что батюшка любит точность. Посему четко разъяснил:

— Это земля Валашская, что в гористой местности к югу от королевства Венгерского, да к западу от княжества Молдавского, — и продолжил:

— Однажды пришли к нему послы турецкого царя и, войдя, поклонились, а шапок — по своему обычаю — не сняли. Спросил их Дракула: "Почему так поступили, пришли к великому государю и бесчестие ему нанесли?".

Те отвечают: "Таковы обычаи страны нашей".

Он им говорит: "Я хочу закон земли вашей подтвердить, чтобы крепко его держались". И повелел прибить шапки к их головам гвоздями, и отпустил со словами: "Идите и скажите государю вашему, коли он привык терпеть от вас такое бесчестие, а мы не привыкли, пусть не посылает свой обычай являть другим государям, которым он чужд, а блюдет только в стране своей".

— Суров, зело суров сей Дракула, — не удержался от восклицания Василий Афанасьевич, но в голосе его не слышно было осуждения действий государя валашского. — Но, Федор, доподлинно мне известно, что турки носят на голове не шапки, а тюрбаны или, в крайнем случае, фески.

— Верно, отец, — улыбнулся Курицын. — Откуда ты знаешь? Я-то турок видел, почитай год держали меня в Белом городе.

Курицын-старший промолчал, ничем не выдавая, что слова сына было ему лестно слушать.

— Продолжай, продолжай. Потом расскажешь о Белом городе.

— Царь же весьма разгневался и пошел на Дракулу войной, и напал великими силами. Тот же, собрав все войско свое, ударил на турок ночью и перебил их множество. Но не смог с небольшой своей ратью одолеть все их войско огромное и отступил. И стал сам осматривать всех, кто вернулся с ним с поля битвы. Кто был ранен в грудь, тому воздавал почести и в витязи производил, а кто в спину — того велел на кол сажать, говоря:

"Не мужчина ты, а женщина". А когда снова пошел войной на турок, то сказал воинам своим: "Кто о смерти думает, пусть не идет со мной, а здесь остается". Царь же, услышав об этом, повернул назад с великим позором, потеряв без числа воинов и не посмея выступить против Дракулы.

Федор Васильевич взглянул на отца, ожидая от него оценки происходящего. Тот слушал, закрыв глаза, только пальцы, теребившие угол скатерки, выдавали его бодрствование.

— Сейчас самое интересное. Что ты скажешь на это?

— И отправил царь к Дракуле посла, требуя от него дани. Дракула же воздал послу пышные почести и показал ему богатство свое, и сказал: "Я не только готов платить дань царю, но со всем воинством и со всем богатством своим готов пойти к нему на службу, и как повелит мне, так буду ему служить. И ты передай царю, что когда пойду к нему, пусть объявит он по своей земле, чтобы не чинили зла мне и людям моим, а вскоре вслед за тобою к царю пойду и дань принесу. Царь же, услышав от посла своего, что хочет Дракула прийти к нему на службу, и что послу его почести воздал, зело рад был, ибо вел в то время войну на Востоке. И тотчас послал объявить по всем городам и по всем землям, чтобы, когда пойдет Дракула, никто никакого зла ему не причинял, а напротив, встречали бы его с почетом. Дракула же, собрав войско, двинулся в путь, и сопровождали его царские приставы, и воздавали ему всяческие почести. Он же, углубившись в турецкую землю на пять дневных переходов, внезапно повернул назад и стал разорять города и села, и людей множество перебил и пленил: одних турок на колья сажал, других рассекал надвое и сжигал, не щадя и грудных младенцев. Ничего не оставил на пути своем, всю землю в пустыню превратил, а бывших там христиан увел и в своей земле расселил. И возвратился восвояси, захватив несметные богатства, а приставов царских отпустил с почестями, напутствуя: "Идите и поведайте царю вашему обо всем, что видели: сколько мог, послужил ему. И если любя ему моя служба, готов и еще ему так служить, сколько сил моих станет". Царь же ничего не смог с ним сделать, только себя опозорил.

— Свирип, слишком свирип, хоть и христианин, — пробурчал Василий Афанасьевич. — Наш государь на его месте так не поступил бы. Мудрее наш Иоанн Васильевич будет. Он и воюет, и договоры о мире устраивает. Передышку давать нужно. Война войной, а если слово даешь, так держать нужно.

— Скажу, отец, и о времени мирном. Послушай, как Дракула жизнь внутри страны устроил. Здесь он слово держит: зло искореняет.

И так ненавидел Дракула зло в своей земле, что если кто совершит какое-либо преступление, украдет или ограбит, или обманет, или обидит, не избежать тому смерти. Будь он знатным вельможей или священником, или монахом, или простым человеком, пусть бы он владел несметными богатствами, все равно не мог отступить от смерти. Так грозен был Дракула.

Курицын взглянул на отца. Василий Афанасьевич тихо дремал, опустив голову на грудь. Федор Васильевич накрыл его плечи шерстяным покрывалом и подкинул в печь несколько поленьев — искорки благодарно обожгли дьяку его белые холеные руки.

Рано утром, едва только небо предвещало рассвет, не попрощавшись с родителем, Курицын выехал из родимого дома. Надо быть при дворе — Иоанн Васильевич не прощал долгой отлучки своих любимцев.

С утра голова у Курицына болела думой о турках...

Прав батюшка, нужно дружбу водить с басурманами. Велика держава их: от Черного до Индийского моря-океана простирается. У нас только Белое студеное, льдами большей частью покрытое, далеко не уплывешь. И то, тесно туркам. Перешли Босфор, принялись за христианские государства. Словно река, вышедшая из берегов, сметают все на пути, империи рушат. Пали греки, албанцы, болгары, сербы, хорваты. Уже венецианские города к рукам прибирают, к папе римскому подбираются.

— Что тут планы какого-то дьяка? — думал о себе в третьем лице Курицын. Первому из русских ему удалось увидеть эту адскую силу. Почитай два года прошло, а все не может забыть, как это было.

...Внезапно они явились, словно призраки в заснеженной степи, — белые всадники на белых конях, с копытами наперевес, с саблями над головой. Не литовцы... те одеты как рыцари... И с молодцами Менгли-Гирея не схожи — у татар лошаденки поменьше и крику много.

Эти же молча налетели, саблями машут, глазами вращают. Так страшнее еще. "Турки", — успел шепнуть возница. Достал Курицын охранную грамоту — не ждал, что поможет, на всякий случай. Помогло. Радостно зацокали, мол, знатную персону ухватили. Развернули обоз, к себе повезли, в Белую крепость, на берег Черного моря...

Начальник крепости сразу допрос учинил: куда направляются и зачем, и что за люди, и почему без разрешения по турецкой земле едут? Объяснил Курицын, что посол он московский и из Венгрии домой возвращается. А что земля эта турецкая — не знал. Раньше она молдавской

была, и на проезд по ней грамота имеется. Турок разрешение на проезд из рук вырвал, разорвал на клочки и молвил: "В оковы не заковывать до выяснения подлинности особы". Грамоту же охранную государя московского отправил в Константинополь — в канцелярию Великого, Непобедимого и Справедливого Баязета Второго — султана Высокого Османского Государства.

Курицын и рад был заточению... Солома под ногами, железное кольцо в стене, коим узников заковывают, цепь, слава Богу, пока в стороне; острая похлебка чечевичная да тусклый свет из узкой щели, проделанной вместо окна в толстенной стене, сырость да мгла — что еще нужно, чтобы стать философом? Думано-передумано много... Жизнь в Буде при дворе короля Матвея казалась далекой, хоть убыли из Венгрии не так давно. Помнил лишь книги, прочитанные в королевской библиотеке, да рассказы немецких купцов о Дракуле. Четырнадцать годков просидел в темнице валашский господарь, а выпустил его король Матфей — за год свою смерть нашел. Не мог Курицын в Венгрии всей правды узнать. Не любили там Дракулу. А здесь, в стане турецком, где Дракулу главным врагом султана почитали, правда и открылась.

Приставил начальник крепости стража нового, который при допросе слова Курицына переводил. Михай-молдаванин его звали, у Дракулы служил, когда тот из Венгрии воротился. Рассказывал сей молдаванин разные истории о своем господине.

История первая

— Был в земле его источник и колодец, и сходились к тому колодцу и источнику со всех сторон дороги, и множество людей приходило пить воду из того колодца, ибо была она холодна и приятна на вкус. Дракула же возле того колодца, хотя он в безлюдном месте, поставил золотую чашу дивной красоты, чтобы всякий, кто захочет пить, пил из той чаши и ставил ее на место, и сколько времени прошло — никто не посмел украсть ту чашу.

История вторая

— Однажды прибыл из венгерской земли купец. И, как принято было у Дракулы, оставил воз свой на городской улице перед домом, а товар свой — на возу, а сам лег спать в доме. И кто-то украл с воза 160 золотых

дукатов. Купец, придя к Дракуле, поведал ему о пропаже. Дракула же отвечал: "Иди. Этой же ночью найдешь свое золото". И приказал по всему городу искать вора, пригрозив: "Если не найдете преступника, весь город погублю". И велел той же ночью положить на воз свое золото и добавить лишний дукат. Купец же наутро встал, обнаружил золото и пересчитал его и раз, и другой. И увидел, что один дукат лишний, и, придя к Дракуле, сказал: "Государь, нашел золото, но один дукат не мой — лишний". В это время привели и вора с похищенным золотом. И сказал Дракула купцу: "Иди с миром! Если бы не сказал мне о лишнем дукате, посадил бы тебя на кол вместе с этим вором".

История третья

— Однажды объявил Дракула по всей земле своей, пусть придут к нему все, кто стар или немощен, или болен чем, или беден. И собралось к нему бесчисленное множество нищих и бродяг, ожидая от него щедрой милостыни. Он же велел собрать всех их в построенных для них хоромах и велел принести им как можно больше еды и вина — они же пировали всю и веселились. Дракула же сам к ним пришел и спросил: "Чего еще хотите?". Они же все отвечали: "Это ведомо Богу, государь, и тебе: на что тебя Бог наставит". Он же спросил их: "А хотите, чтобы сделал вас счастливыми на этом свете, и ни в чем не будете нуждаться?". Они же, ожидая от него великих благодеяний, закричали разом: "Хотим, государь!". А Дракула приказал запереть хоромы и поджечь их, и сгорели все те люди. И сказал Дракула боярам своим: "Знайте, почему я сделал так: во-первых, пусть не докучают людям и не будет нищих в моей земле, а будут все богаты; во-вторых, я и их самих освободил: пусть не страдает никто из них на этом свете от нищеты или болезней".

Еще сказывал страж, как погиб господин его.

Наблюдал Дракула с холма битву войска своего с турками — в тот момент его копьями в спину сразили. Свои убили, бояре. На сторону султана переметнуться решили. Господарем стал Влад-монах, младший брат Дракулы. Ему и служит теперь страж Михай. А здесь потому оказался, что валахи после смерти Дракулы на сторону султана встали и год назад Белую крепость у братьев своих, молдаван, вместе с турками отбили... Долго текли дни в Аккермане — так турки Белую крепость прозвали. Затерялась депеша начальника крепости в султанских хоромах. Полгода прошло — никакого ответа. Сидеть бы у турок до конца дней, кабы не

Михай. Передал он брату своему, что Курицын с посольством в Аккермане взаперти сидит. Тот Стефану Великому донес, Стефан — королю Матфею, Матфей — государю московскому. Государь призадумался. Нарушились планы его. Велел он Курицыну в Венгрии гостей заморских дожидаться, коих из италийских городов выписал. Просил государь для приглашенных мастеров новую дорогу опробовать. Через дружеские Венгрию и Молдавию, кордоны литовские в стороне оставляя, в Крым к хану Менгли-Гирею — он в союзе с Московией, мешать не станет, — а дальше через Дон степями бескрайними вдоль Волги-матушки в самое сердце княжества Московского. Через Ливонию беспокойно стало, держат в магистрате Ревеля и послов, и гостей заморских, не глядя на грамоты Иоанна Васильевича. Все сломали басурманы! Стоит работа в Кремле, стены разобрали — возводить некому, башни новые ставить надо, да и палаты великокняжеские поизносились.

А король Матфей, как узнал о невзгодах курицынских, долго не думал, написал письмо султану: просил освободить Курицына. Султан у Менгли-Гирея справился. Крымский хан подтвердил: "дружбу с Москвой водим, освободи, Великий, Непобедимый и Справедливый Баязет, посла московского". Не прошло и трех месяцев, освободил Великий, Непобедимый и Справедливый Курицына, а через слуг передал дьяку в дорогу слова свои: "Если брат наш, Менгли-Гирей, дружбу с Москвой водит, то и мы могли бы".

...Вот и думал Курицын по прошествии двух лет: почему турецкое дело на месте стоит? Отправил государь Баязету грамоту свою. Тот в ответ посла, да литовцы в Смоленске его задержали и обратно воротили. Зря Иоанн Васильевич медлит. Путь для заморских гостей по Черному морю невозможен стал. Турки Босфор перекрыли, корабли венецианские не пропускают. Захирела торговля наша.

Как подступиться к государю, не знал Курицын. Не заводил Иоанн Васильевич разговора о турках. С Венгрией дело хотел справиться. Велел дьяку с послом венгерским говорить, да вновь просить Матфея прислать мастеров каменных дел стены строить, палаты да церкви возводить. Решил Курицын на хитрость пойти. Написать Великому князю донесение о том, как устроена Белая крепость, что Аккерманом теперь зовется. Любил Великий князь чертежи разные изучать о крепостях и о палатах каменных. Глядишь, и разговор о турках завяжется. Тут Курицын и "восточный проект" подкинет.

Описание крепости Аккерманской, для Великого князя и государя всея Руси Иоанна Васильевича рабом Федькой Курицыным самолично сделанное

— А крепость сия — огромный город, из четырех дворов состоит, стенами высокими обнесена, одна из них в море глядит.

Двор первый. Въезд через ворота главные по мосту подъемному. Там жилые дома, кузня, гончарная мастерская, склады с провиантом и запасом воды. В центре двора — торговые ряды. Ярмарка. Чего только нет: персидские ковры, турецкие сладости, венецианская посуда, молдавский виноград и яблоки. Двор второй. В него попадаешь из первого. Здесь гарнизон крепости стоит... Оба двора стенами отгорожены от третьего — самого малого. Двор третий. По углам четыре башни стоят. Называют замком генуэзским. Генуэзцы для защиты купцов своих его строили. В одной башне, что на скале над морем, — казна. Охраняема денно и ночью. Она куртиной соединена со второй — в ней темница. Еще одна — у моря, потаенный ход имеет из крепости. Перед нею четвертая башня — в ней начальник крепости сидит. Она самая укрепленная, с бойницами для пушек и ружей. И стены имеет самые толстые — в несколько сажен. Двор четвертый. Корабельный. Рядом с замком генуэзским соседствует, выход потаенный к морю имеет. Здесь живут моряки да купцы турецкие. За стеной у пристани корабли генуэзские стоят, купцами брошенные. Как перекрыли турки проход в Черное море, так и остались стоять без хозяев.

В конце Курицын приписал: "Крепость сию на бумаге отобразил не потехи ради, а для пользы государя Князя Великого Иоанна Васильевича". Донесение свое вручил постельничему — самый верный способ попасться на ясные очи государя, от себя же на словах добавил: "Дело сие не терпит промедления".

Иоанн Васильевич не заставил себя долго ждать. На следующий день ясные очи — у государя они были ярко-голубого цвета — внимательно смотрели в глаза Курицыну. Взгляд этот был не иначе как магнетическим — бояре в гостиной зале решительно от него уклонялись, а уж когда на ком остановится, — считал тот концом света. За одно и то же содеянное всего можно было ждать: и награды, и опалы. Девки, особливо те, что не замужем, или, наоборот, на сносях, падали от него в обморок. Курицын не из

робких был — и то холодок по душе пробежал. Может, раскусил государь тайное намерение его, а если так, то как отнестся к нему? Ведь Великая княгиня из гречанок, а греков турки первыми притеснять стали, да так, что еще в малолетстве Софья родителей лишилась. Но государь неожиданно для дядка заговорил о другом.

— Как мой наказ? Говорил с Климентом, послом венгерским?

— Говорил, господин-государь, — отвечивал Курицын.

— И как?

— Все, что велел господин-государь, послу передал: и не только на словах, — письмом сопроводил. Мастеров каменных дел затребовал для крепостей, церквей и палат, а также иных умельцев — пушечных, рудных промыслов, искусных делателей кубков и кухонной утвари.

— А почему Климент отказал взять с собой в Венгрию посла нашего и сказал ему отдельно ехать? — взгляд государя словно просверлил в груди Курицына большую дыру. Боли и страха дьяк не почувствовал, но сердце забилось учащенно, мысли в голове закрутились, заработали сильнее. Одно оставалось — выбрать из них самую верную.

— Думаю, при дворе короля многое изменилось, — начал Курицын, а дальше пошло-поехало, как по писаному. — В тесном кольце земля Матфея. Да и Венгрия — не Московия: нет у них простора нашего. С юга — Орда и турки, с востока — Польша с Литвой. С севера и запада империя германской нации. Сдается мне, клонят Матфея бояре венгерские к союзу с королем польским Казимиром. А коли у нас война с литовцами, то и не хочет Климент судьбу испытывать.

— Да... прав ты, Федор. Почуял и я неладное. Но сие от нас не зависит. Бог судия брату нашему Матфею. — Иоанн Васильевич перекрестился. — Посмотрим, куда судьба нас выведет.

Взгляд государя затуманился и переместился в угол комнаты, где висели образа. Сердце курицынское забилось привольнее, но страх в глубине души не прошел. Сомнения терзали его. Главное было — отрицать при всяк случае любой намек о пользе дружбы с турками, а бить только на ценность турецкой крепости для обороны от неприятеля. Не мешало бы такую на границе с Ливонией поставить.

— А план, что ты начертал, Федор, Антон Фрязин, что был с тобой в турецком полоне, давно мне дал. Мы и башню воздвигли Тайницкую, с ходом подземным на Москву-реку, как в Белой крепости было устроено.

Слова эти государь говорил как бы между прочим, не придавая им никакого значения, и смотрел не в глаза Курицыну, а куда-то в сторону, что

было еще опаснее. "Пострадать ни за что при верной службе и любви к государю — что может быть ужаснее!"

Небольшую заминку, непонятно чем чреватую для посольского дьяка, прервал осторожный стук в дверь. В проеме появилась кудрявая голова постельничего Бобра.

— Братец пожаловал, Андрей Угличский.

Курицын, воспользовавшись предлогом, подался было к двери.

— Проси, — Иоанн Васильевич удобнее устроился в кресле и придвинул к себе столик с чернилами, гусиными перьями и печатью. Курицыну показалась, что государь уже ждал брата, и приход его был для него не новостью. — А ты останься, Федор, я ведь не опускал тебя.

Андрей Угличский по имени Большой, что отличало его при жизни от уже умершего младшего брата — Андрея Меньшого, а по прозвищу Горяй, что говорило о горячем нраве его, был необычайно взволнован. Сложные отношения возникли между ним и Иоанном Васильевичем. Не делился Великий князь с младшим братом ни земелькой от уделов ушедших из жизни родственников, как было принято давно, еще со времен прапрадедушки его Ивана Калиты, ни добычей, нажитой совместными военными подвигами, а было их множество — от стояния против царевича Ахмата на реке Угре до новгородского, тверского и казанского походов.

Не стеснялся Андрей Угличский спорить со старшим братом, всегда отстаивал права свои. Но вот умерла матушка, мирившая братьев, и время наступило тревожное. Тучи стали сгущаться над Андреем.

— Верный боярин сообщил, что хочешь ты меня в оковы заковать, — Андрей Большой сделал паузу. Он увидел, что не один находится в покоях старшего брата, и глазами указал на Курицына.

— Это Федор Курицын, посольский дьяк, — Иоанн Васильевич кивнул в сторону дьяка. — Можешь говорить при нем, я все ему доверяю.

Подивился Андрей Большой решению Иоанна Васильевича, да был свой горячий поумерил. Узнав на днях страшную для себя новость, он бросился в Москву, пытался выяснить причину возможной опалы у князя Патрикеева, но тот как воды в рот набрал. Тогда Андрей решился испросить напрямую у брата. И вот теперь должен он говорить о делах семейных при постороннем человеке.

— Государь, в чем повинен я? Скажи прямо, был разговор, о котором мне поведали?

Непростая тишина воцарилась великокняжеских покоях.

— И был, и не был, — ответил Иоанн Васильевич, замявшись. — Это

боярин мой в шутку сказал. Я же ответственал ему, чтобы не шутил так более. В чем провиня твоя? Ты Углич отстроил. Церкви каменные поставил, монастыри воздвиг. Богоугодными делами занимаешься. Хочешь, клятву тебе немедля дам, что ничего супротив тебя не готовил?

Иоанн Васильевич взял в руки перо и застрочил скоро по бумаге: "Клянусь небом и землей, и Богом сильным Творцом всея твари, что и в мыслях у меня того не было". И приложил печать, на которой был изображен ангел, надевающий венок на стоящего перед ним человека.

— Иль не веришь? — вопрошал Великий князь, когда брат прочитал поданную ему бумагу. По обычаю, клятвы завершались целованием креста при священнике. Тут же в бумаге и небо, и земля, и Бог-Творец — мешанина, схожая с ересью, а вместо священника — посольский дьяк. Андрей Большой призадумался, но делать было нечего.

— Верю, — ответил он и обнял брата.

— Верь мне, верь, — радостно заговорил Иоанн Васильевич. — Трое нас в этой жизни осталось: ты, я да Борис. В мире мы жить должны. Да, были негаразды. К Литве ты хотел примкнуть. И я не всегда справедлив к тебе, знаю. Давай скажем, как раньше, когда детками малыми были, да при батюшке родном жили: "Кто старое помянет, тому глаз вон". Сядь, Андрей, расскажи новости свои. Говорят, ты палаты каменные воздвиг. Пора и мне, давно Софья просит. Сказывают, старца завел праведного, Кассиана, у которого научаешься. Хорошо это. У каждого должен быть учитель. У меня нет такого, одному у всех думать надо.

Долго еще говорили. Уже слуга приходил от царевны Софьи звать Иоанна Васильевича к трапезе, холоп зажег свечи в серебряных подсвечниках, колокола Успенского собора пробили к вечерней молитве. Курицын стоял ни живой ни мертвый, ног под собой не чуял. Тайны великокняжеские не хотел он знать, а пришлось, по прихоти господина его. Зачем это было нужно государю? В какую игру заставил играть его венценосный?

— Да, чуть не забыл, — молвил Иоанн Васильевич, отпуская Курицына. — Тебя, Федор Васильевич, хочет видеть женка моя. Приходи в воскресенье пополудни к ее двору, будут греки да гости заморские. Ты, чай, давно книг латинских и греческих не читал. У Великой княгини велика любовь к книжникам.

И тут Курицына удивил государь... То кличками своих поданных снабдит: кого "Гвоздем" назовет, кого "Тушей"; то уменьшительными именами осчастливит: "Ивашки", "Степашки" да "Васьки" за честь уже почитают так называться — лишь бы на глазах у венценосца быть. А тут — "Федор

Васильевич". Никак в толк не возьмет дьяк учтивости такой. Однако больше всего озадачило приглашение прийти ко двору царевны Софьи. Там, по слухам, люди все ученые: кто в дворцовых интригах силен, кто в книжных знаниях, а есть и такие, что в "музыках" славу приобрели. Промашку нельзя давать в компании такой. "Одним словом, из огня, да в полымя", — подумал Курицын и вышел из государевой светлицы.

Ночь была лунная. Свет небесного светила, отражаясь от позолоченных церковных куполов, превращался в серебряную дорожку, которая вела прямо к Троицким воротам, от которых и до палат курицынских рукой подать. Главное — держаться ее, не сбиться в сторону, итальянские мастера, строители кремлевских стен, башен и соборов, нарыли канав всяческих, да камней набросали — недалеко и шею сломать.

"Неужто высоко взлечу? — подумал государев дьяк, подходя к дому. — Кабы крылья не обломали!" О беседе государя с братом, Андреем Угличским, велел себе накрепко забыть. Встреча с царевной Софьей больше занимала государева дьяка. На то причина была.

По воскресеньям Федор Васильевич сам столы накрывал. В палатах его на Тверской гости бывали любомудрые: переписчики книг, священники, дьяки, бояре да дети боярские... Начало для бесед положили после приезда из Новгорода Великого двух священников — Алексея и Дионисия: первого поставили в Успенском соборе, второго в Архангельском. Близки они стали государю Иоанну Васильевичу. Утешали слух государя Алексей и Дионисий тем, что не будет конца царствию земному, о чем кручинился Иоанн Васильевич в бессонные ночи, и не коснется главы людской кара небесная за грехи их и дела неправедные. Судьбу людскую по звездам определяли, как пророки библейские. Беседы такие и в палатах курицынских вели. О конце света говорили немало, близился его день — 7000-й год от сотворения всего сущего на земле. Дела посольские венгерские беседам конец положили. А вернулся Курицын из плена турецкого, снова гостей собирать стал. В темнице сырой на берегу Черного моря только о звездах и думал, хотя в окошко высокое и не видать их было, и нельзя узнать, как на судьбу его повлияют. Улыбнулись звезды Курицыну, особливо одна, путеводная. Веру укрепила в себя и в силы небесные: знать, неспроста ему родители и Бог жизнь положили.

